Дата поступления рукописи в редакцию: 04.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-225-236
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

САЛЕХ Владислава Халидовна,
Студент 3 курса Факультет подготовки специалистов для судебной системы очной формы обучения (очный юридический факультет) Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева», e-mail: vlada.salekh1703@yandex.ru

Научный руководитель:
УЛЬЯНОВА Марина Вячеславовна,
Доцент кафедры гражданского права, кандидат юридических наук, доцент Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева», e-mail: ulyanovamv@rsuj.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию правовых проблем, возникающих в связи с развитием вспомогательных репродуктивных технологий и использованием криоконсервированного биоматериала после смерти одного из потенциальных родителей. Рассматриваются вопросы определения правовой природы эмбриона и иных репродуктивных материалов, особенности реализации прижизненного волеизъявления пациента, а также проблемы установления происхождения ребенка, рожденного в результате постмортальной репродукции. Особое внимание уделяется анализу действующего российского законодательства, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, зарубежного опыта правового регулирования и современных биоэтических подходов. Исследуются вопросы хранения, передачи и утилизации криоконсервированного биоматериала, а также правовые последствия рождения детей после смерти одного из родителей. По результатам исследования сформулированы предложения по совершенствованию российского законодательства, направленные на обеспечение баланса между репродуктивной автономией личности, защитой интересов будущего ребенка и принципом правовой определенности.*

Ключевые слова: *постмортальная репродукция, вспомогательные репродуктивные технологии, ВРТ, криоконсервация, эмбрион, репродуктивные права, семейное право, биоэтика, правовое регулирование.*

SALEKH Vladislava Khalidovna,
Student 3 term Faculty for training specialists for the judicial system (full-time law faculty) Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev»

Scientific supervisor:
ULYANOVA Marina Vyacheslavovna,
Associate Professor of the Department of Civil Law, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev»

IMPROVEMENT OF RUSSIAN LEGISLATION IN CONNECTION WITH THE DEVELOPMENT OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES

Annotation. *The article examines legal issues arising from the development of assisted reproductive technologies and the use of cryopreserved reproductive material after the death of one of the intended parents. The authors analyze the legal nature of embryos and reproductive material, the implementation of lifetime consent, and the legal status of children born through posthumous reproduction. Particular attention is paid to Russian legislation, the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, foreign legal experience, and contemporary bioethical approaches. The study also addresses the regulation of storage, transfer, and disposal of cryopreserved reproductive material, as well as the legal consequences of posthumous parenthood. Based on the findings, proposals are formulated to improve Russian legislation in order to balance reproductive autonomy, the interests of the future child, and the principle of legal certainty.*

Key words*: posthumous reproduction, assisted reproductive technologies, ART, cryopreservation, embryo, reproductive rights, family law, bioethics, legal regulation.*

Основные положения. Стремительное развитие вспомогательных репродуктивных технологий традиционно опережает формирование правовой базы. К 2022 году российское законодательство, в частности статья 51 Семейного кодекса РФ [9] регулирующая запись родителей ребенка, рожденного в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий (далее - ВРТ), и подзаконные акты Министерства здравоохранения столкнулись с ситуацией, которая еще десятилетие назад казалась невозможной: определение правовой судьбы криоконсервированных эмбрионов в случае смерти одного или обоих генетических родителей. Ключевая правовая коллизия заключается в дисбалансе между «моментом дачи согласия» и отсутствием механизмов реализации воли субъекта после его смерти. Действующее регулирование (ч. 4 ст. 51 СК РФ, Приказ Минздрава России № 803н [10]) требует информированного добровольного согласия супругов на применение ВРТ и устанавливает формы учета биоматериала. Однако детальное регулирование ВРТ остается актуальным в вопросе о том, сохраняет ли силу это согласие после смерти лица, его предоставившего. Возникает ситуация, когда договор на хранение биоматериала заключен, но отсутствует четкое распоряжение на его правовую природу и применение в случае летального исхода. Это порождает цепь неразрешимых вопросов: предельные сроки хранения таких эмбрионов, обязанность по оплате услуг криохранилища, процедура утилизации либо условия передачи эмбрионов для постмортальной репродукции. В научной литературе справедливо обращается внимание на то, что современная демографическая ситуация требует более детальной отраслевой регламентации личных прав граждан, связанных с возможностью деторождения. Как отмечает М. В. Ульянова, правовое регулирование в данной сфере должно быть ориентировано не только на формальное закрепление условий применения репродуктивных технологий, но и на реальное обеспечение семейных прав и обязанностей с учетом сложного характера возникающих отношений и их последствий для всех членов семьи, прежде всего для ребенка. Исследователь подчеркивает, что по мере развития вспомогательных репродуктивных технологий границы допустимого правового вмешательства в семейную сферу объективно расширяются, поскольку именно правовая определенность позволяет обеспечить баланс интересов родителей, будущего ребенка и иных участников соответствующих отношений. В этом смысле проблемы, возникающие при постмортальном использовании биоматериала, следует рассматривать не как частный казус, а как проявление более общей тенденции: технологическое развитие в репродуктивной сфере требует последовательного и детализированного нормативного ответа [1, с. 79-81].

Понятие и правовая природа криоконсервированного биоматериала. В доктрине гражданского и семейного права вопрос о статусе эмбриона остается дискуссионным. Ж.С. Малышева подчеркивает, что отсутствие легального определения момента возникновения права на жизнь создает трудности в квалификации эмбриона как объекта или субъекта права [2]. Зарубежная практика демонстрирует различные подходы: от признания эмбриона «эмбриональной личностью» (Австрия) до квалификации его как объекта договорных отношений (Великобритания) [3, с. 39].

Толкование согласия при жизни: пределы действия волеизъявления. В российской правовой системе событием, демонстрировавшим пробел, стало рассмотрение Конституционным Судом РФ жалобы гражданки М.Ю. Щанниковой. Как следует из Постановления КС РФ от 11 февраля 2025 г. № 6-П [11], заявительница после смерти супруга использовала его криоконсервированный биоматериал для рождения детей, однако столкнулась с отказом в назначении страховой пенсии по потере кормильца, поскольку дети были зачаты после смерти отца . Конституционный Суд указал на необходимость обновления законодательства с учетом реалий постмортальной репродукции, признав, что отсутствие регулирования ставит таких детей в неравное

положение по сравнению с рожденными при жизни родителя. Ситуация осложняется столкновением двух конституционно значимых ценностей: репродуктивных прав лица (права на продолжение рода) и прав будущего ребенка, который может родиться в неполной семье. Защита интересов нерожденного ребенка представляет собой сложную междисциплинарную проблему, требующую поиска баланса между автономией воли родителей и необходимостью обеспечения достойного существования потомства. Этично ли презюмировать согласие на посмертное использование? Должно ли государство финансировать хранение биоматериала умершего? Ответы на эти вопросы отсутствуют как в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [12], так и в Приказе № 803н, который регламентирует лишь технический учет, но не правовые последствия, возникающие в связи со смертью пациента.

Порядок дачи информированного добровольного согласия. Порядок дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство с применением ВРТ регламентируется Приказом Минздрава России от 31.07.2020 № 803н [13], которым утверждена типовая форма согласия, включающая положения о криоконсервации, утилизации или донорстве половых клеток и эмбрионов, оставшихся после проведения программ ЭКО. Однако анализ приложения № 13 к указанному приказу [14] показывает, что действующая форма информированного согласия не предусматривает возможности для пациента выразить волю относительно использования биоматериала в случае его смерти - гражданин может выбрать лишь один из трех вариантов: криоконсервацию, утилизацию или донирование, но не может указать, допустимо ли использование его половых клеток или эмбрионов после смерти для рождения ребенка . Это создает ситуацию, когда даже при наличии обоюдного желания супругов иметь детей, смерть одного из них оставляет пережившего супруга в состоянии правовой неопределенности, поскольку согласие, данное при жизни, не может быть однозначно истолковано как разрешение на посмертную репродукцию.

Договор на хранение биоматериала: содержание и стороны. Договор на хранение биоматериала, заключаемый между медицинской организацией и пациентами, также не содержит условий, регулирующих судьбу криоконсервированного материала в случае смерти. Согласно пункту 18 Приказа № 803н, решение о дальнейшей тактике в отношении неиспользованных половых клеток и эмбрионов принимают лица, которым они принадлежат, путем заключения гражданско-правовых договоров. Однако практика показывает, что типовые договоры хранения не включают положения о порядке действий при наступлении смерти одного из пациентов, не регулируют вопросы оплаты хранения наследниками и не определяют порядок утилизации при отсутствии распоряжений. Медицинские организации, руководствуясь пунктом 43 Приказа № 803н, осуществляют хранение криоконсервированных биоматериалов за счет личных средств пациентов , и при возникновении задолженности по оплате, которая может достигать 30 000 рублей, клиники вправе инициировать процедуру утилизации, но только после направления письменных уведомлений и истечения льготного периода, обычно составляющего от 60 до 180 дней . При этом пункт 41 Приказа № 803н предусматривает возможность выдачи криоконсервированных половых клеток и эмбрионов на руки пациентам по их письменному заявлению, однако механизм реализации этого права после смерти одного из супругов законодательно не урегулирование.

Соотношение с положениями статьи 51 СК РФ. Наиболее остро проблема пробелов в правовом регулировании проявляется в контексте статьи 51 Семейного кодекса РФ, определяющей порядок записи родителей в книге записей рождений. Указанная норма устанавливает презумпцию отцовства супруга матери, если ребенок родился в период брака или в течение трехсот дней после его расторжения, однако эта презумпция рассчитана на естественное зачатие и не учитывает ситуаций, когда между смертью супруга и рождением ребенка может пройти несколько лет вследствие использования криоконсервированного биоматериала. Отсутствие специального регулирования создает проблемы не только с доступом к процедуре посмертной репродукции, но и с последующей регистрацией рождения ребенка и установлением происхождения от умершего отца, что затрагивает целый комплекс правовых последствий в сфере наследственного права и социального обеспечения.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам посмертной репродукции формировалась постепенно, отражая эволюцию как общественных отношений, так и понимания конституционных прав граждан в сфере ВРТ. Ключевым этапом в этом процессе стало вынесение Постановления Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2025 года [15], которым были признаны не соответствующими Конституции РФ отдельные положения законодательства о социальном обеспечении. Данное решение было вынесено по жалобе ребенка, родившегося после смерти отца в результате применения процедуры ЭКО с использованием криоконсервированной спермы умершего. Органы социальной защиты отказали матери

ребенка в назначении пенсии по случаю потери кормильца, мотивируя это тем, что на момент смерти отца ребенок еще не был зачат, а действующее пенсионное законодательство связывает возникновение права на пенсию исключительно с фактом рождения ребенка до смерти кормильца либо с наличием иждивения, которое в данном случае отсутствовало. Конституционный Суд, рассмотрев дело, указал на формальный и дискриминационный характер такого подхода. В своем постановлении Суд отметил, что конституционный принцип равенства и право на социальное обеспечение, гарантированное статьей 39 Конституции РФ, не могут ставиться в зависимость от времени зачатия ребенка, если его рождение явилось результатом реализации общего репродуктивного проекта родителей, одним из которых был умерший. Суд отдельно указал, что применение вспомогательных репродуктивных технологий является законным и общественно допустимым способом преодоления бесплодия. Из этого следует важный вывод: дети, появившиеся на свет с помощью таких технологий, не могут иметь меньший объем прав по сравнению с детьми, зачатыми естественным путем, в том числе если их отец умер до рождения ребенка. Конституционный Суд признал, что отсутствие у таких детей гарантированного права на пенсию по случаю потери кормильца не соответствует Конституции РФ, и обязал законодателя внести необходимые изменения. По сути, Суд подтвердил: ребенок, рожденный после смерти отца с помощью ВРТ, имеет такое же право на социальную защиту, как и любой другой ребенок, потерявший кормильца. Более того, это решение имплицитно затрагивает и более широкий круг вопросов: если ребенок признается субъектом пенсионных прав, то логичным становится и признание за ним наследственных прав, а также права на установление происхождения от умершего отца. Тем самым постановление от 11 февраля 2025 года создало юридическую основу для пересмотра не только пенсионного, но и семейного и наследственного законодательства в части, касающейся прав детей, рожденных посмертно. Однако, несмотря на ясные и недвусмысленные указания Конституционного Суда, содержащиеся в постановлении от 11 февраля 2025 года, до настоящего времени специальное комплексное регулирование посмертной репродукции в России отсутствует. Законодатель пока не внес изменения в Семейный кодекс РФ, не урегулировал порядок дачи согласия на посмертное использование биоматериала, не определил правовой статус эмбрионов в случае смерти одного из супругов. Это создает ситуацию правовой неопределенности, когда отдельные решения Конституционного Суда, обладая безусловной обязательностью, не могут восполнить все пробелы системного характера, и граждане вынуждены обращаться за защитой своих прав в суды в каждом конкретном случае, что порождает неравенство и судебные издержки.

Существует необходимость установления на законодательном уровне презумпции согласия или несогласия лица на посмертную репродукцию, отсутствие которой создает риски нарушения конституционных прав граждан и злоупотребления правом. При презумпции согласия посмертное использование половых клеток умершего или эмбрионов, созданных с их участием, считается допустимым, если человек при жизни прямо не возражал против этого. Иначе говоря, отсутствие запрета воспринимается как согласие, а доказывать обратное должны те, кто выступает против такого использования. Такой подход строится на предположении о вероятной воле умершего. Считается, что человек, заботящийся о близких, скорее допустил бы возможность рождения общего ребёнка после своей смерти, чем лишил бы пережившего супруга этого шанса без прямо выраженного отказа. Здесь в центр ставится не формальное молчание само по себе, а идея сохранения семейной связи и уважения к тем жизненным планам, которые существовали у супругов [4, с. 431-442]. Но этот подход нередко вызывает серьезные возражения, его упрекают в том, что он создает опасную почву для последующих злоупотреблений. При желании заинтересованные лица могут попытаться искусственно сформировать нужную доказательственную картину или попросту оставить без внимания обстоятельство, что человек при жизни мог пересмотреть свою позицию. Не исключено и другое: умерший в принципе не связывал свое будущее с рождением детей и не хотел, чтобы после его смерти вопрос о продолжении рода решался без прямо выраженной воли. Наиболее тревожными оказываются случаи, в которых переплетаются насилие в отношениях, самоубийство и давление в сфере репродуктивного выбора. В подобных обстоятельствах особенно велик риск того, что интересы оставшихся в живых начнут преобладать над волей умершего. Проблема в том, что сам он уже не может ни подтвердить свою позицию, ни возразить, ни защитить право на личную автономию [5].

Презумпция несогласия предполагает более строгий подход: посмертное использование биоматериала возможно только при письменном согласии, выраженном при жизни. Если такого документа нет, действует запрет. В центре здесь находится личная воля умершего, а также стремление снизить споры о статусе ребёнка и наследственных последствиях. Но у этой модели есть и слабая сторона. Подобные ситуации часто свя-

заны с внезапной смертью, когда человек просто не успел заранее оформить свою позицию. Поэтому отсутствие согласия на бумаге не всегда означает реальный отказ. Более взвешенным для российского права выглядит вариант, при котором сохраняется требование письменного согласия, но одновременно устанавливаются чёткие сроки для зачатия и рождения ребёнка.

Эволюция законодательства о посмертной репродукции. Зарубежный опыт правового регулирования посмертной репродукции представляет особый интерес для российской правовой системы, находящейся в поиске оптимальной модели законодательного решения этой проблемы, и в этом контексте португальский опыт является одним из наиболее показательных и хорошо документированных примеров кардинального изменения законодательной политики под влиянием конкретного человеческого случая и общественной дискуссии. Эволюция португальского законодательства о посмертной репродукции демонстрирует переход от полного запрета к детальному регулированию, причем ключевую роль в этом процессе сыграло получившее широкий общественный резонанс дело «Ângela e Hugo», которое стало катализатором законодательных изменений и предметом многочисленных научных исследований. История этой пары глубоко тронула всю страну: Анджела Феррейра добивалась права на беременность от своего мужа Уго, который умер от рака в возрасте 29 лет, при этом еще при жизни, проходя лечение от онкологического заболевания, супруг сдал сперму на хранение в университетский госпиталь Сан-Жуан в Порту и выразил желание иметь ребенка с Анджелой. Но она столкнулась с отсутствием законодательного регулирования в этом вопросе, женщина начала гражданскую законодательную инициативу, собрала более двадцати тысяч подписей и потребовала от парламента внесения изменений в закон о медицински ассистированной прокреации, что в итоге привело к принятию Закона № 72/2021 от 12 ноября 2021 года [16], который внес существенные изменения в базовый Закон № 32/2006 от 26 июля.

Условия допустимости посмертного использования. Португальское законодательство довольно понятно определяет, когда возможно посмертное использование репродуктивного материала. Следует отметить, что здесь выбран не крайний, а достаточно гибкий подход: закон старается одновременно учитывать и волю умершего, и реальные обстоятельства семейной жизни. Посмертная инсеминация допускается в двух вариантах. Первый связан с ситуацией, когда мужчина ещё при жизни письменно указал, что согласен на использование своего биоматериала после смерти. Второй вариант применяется тогда, когда у женщины нет такого документа, но она может подтвердить, что у пары существовало устойчивое и заранее согласованное намерение иметь ребёнка. На практике это проявляется в том, что значение придаётся не только формальному письменному согласию, но и фактическим отношениям между людьми, если из них видно, что решение о родительстве было для пары общим и осознанным. Важным элементом регулирования является установление временных рамок: процедура должна быть проведена в период от шести месяцев до трех лет после смерти супруга [17], при этом закон не устанавливает ограничений на количество попыток инсеминации - они могут проводиться до наступления беременности.

Правовые последствия рождения ребенка. Правовые последствия рождения ребенка в результате посмертной репродукции в Португалии урегулированы таким образом, чтобы максимально защитить интересы ребенка и обеспечить его равные права с детьми, рожденными в обычном порядке. Закон однозначно устанавливает, что ребенок считается законным ребенком умершего отца со всеми вытекающими правовыми последствиями, включая полные наследственные права. Более того, португальский законодатель специально урегулировал вопрос о наследовании: ребенок, рожденный в результате посмертной репродукции, обладает общей наследственной способностью, то есть призывается к наследованию после умершего отца на общих основаниях. Закон также предусматривает механизм, позволяющий разрешить ситуацию, если мать во время процесса вступит в новый брак: в этом случае ребенок может быть признан ребенком умершего, если мать не зарегистрирует нового супруга в качестве отца. Важной гарантией является установление уголовной ответственности за нарушение установленных правил: использование репродуктивных техник без надлежащего согласия или с нарушением установленного порядка, совершенное с намерением получить личную выгоду или причинить вред кому-либо, наказывается тюремным заключением на срок до двух лет или штрафом в размере до 240 дней. Португальский опыт особенно ценен для российского законодателя тем, что демонстрирует возможность создания целостной системы регулирования, включающей не только условия доступа к процедуре, но и детальную регламентацию наследственных последствий, что позволяет избежать тех самых пробелов в семейном и наследственном праве, которые сегодня существуют в России применительно к статье 51 СК РФ и смежным институтам.

Сроки хранения и финансовые обязательства. Правовой режим хранения биоматериала в

сфере применения ВРТ в Российской Федерации строится на сочетании специальных медицинских и общегражданских норм. Федеральный закон № 323-ФЗ [18] прямо закрепляет право граждан на криоконсервацию и хранение половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов за счет личных средств и иных средств, предусмотренных законодательством. Тем самым законодатель исходит из допустимости длительного хранения биоматериала как самостоятельного правомерного состояния, связанного с реализацией репродуктивных прав пациента. Порядок такого хранения конкретизирован в приказе Минздрава России № 803н [19]. Из его содержания следует, что криоконсервация и хранение биоматериалов осуществляются только медицинскими организациями, располагающими криохранилищами и имеющими лицензию на выполнение соответствующих работ, а сами биоматериалы должны храниться в специальных маркированных контейнерах, помещенных в жидкий азот или его пары. Данное регулирование указывает на то, что хранение биоматериала представляет собой не факультативное техническое действие, а особую медицинскую услугу, предполагающую соблюдение лицензионных, организационных и технологических требований. При этом действующее федеральное регулирование не устанавливает единого универсального предельного срока хранения половых клеток и эмбрионов. По смыслу статьи 55 Закона № 323-ФЗ и положений приказа № 803н конкретная продолжительность хранения определяется волей правообладателей и условиями заключенного с медицинской организацией договора. В практическом плане это означает, что именно договорное оформление приобретает ключевое значение для определения первоначального срока хранения, порядка его продления, механизма уведомления пациента и последствий прекращения соответствующих правоотношений. Финансовая сторона хранения биоматериала также подчинена договорной модели. Поскольку хранение осуществляется, как правило, на возмездной основе, к соответствующим отношениям применяются правила о платных медицинских услугах. Постановление Правительства РФ от 11 мая 2023 г. № 736 [20] требует, чтобы договор о предоставлении платных медицинских услуг содержал, в частности, стоимость услуг, сроки и порядок их оплаты, а также условия и сроки предоставления таких услуг. Следовательно, именно в договоре должны быть однозначно зафиксированы размер платы за хранение, периодичность внесения платежей, условия продления хранения и правовые последствия образования задолженности. Уместно вспомнить концепцию В.В. Ершова о соотношении правового и индивидуального регулирования, в рамках которой обосновывается, что в силу универсального и абстрактного характера правовое регулирование общественных отношений объективно недостаточно и должно дополняться индивидуальным регулированием, причем данные категории существуют в неразрывной взаимосвязи как парные категории. Как отмечает исследователь, «объективная необходимость индивидуального регулирования правоотношений вызывается не только абстрактным характером основополагающих (общих) и (или) специальных принципов, но и нормами права, а также и их относительной определенностью. Все эти обстоятельства и обусловливают неразрывную взаимосвязь правового и индивидуального регулирования правоотношений, их существование как парных категорий» [6, с. 132-147]. Таким образом, индивидуальный договор хранения биоматериала выступает тем необходимым регулятором, который конкретизирует абстрактные правовые предписания применительно к уникальной ситуации сторон, обеспечивая тем самым эффективность правового регулирования в целом. Значимым практическим элементом является и возможность передачи криоконсервированного материала самим пациентам. Приказ № 803н предусматривает, что по письменному заявлению пациентов биоматериал может быть выдан им для транспортировки, причем после такой передачи ответственность за его сохранность, качество и транспортировку несут уже сами пациенты. Это положение имеет существенное значение в случаях смены медицинской организации, несогласия с тарифной политикой клиники либо необходимости перевода материала в иное криохранилище.

Процедура утилизации: основания и порядок. Правовой механизм утилизации биоматериала в российском праве основан прежде всего на принципе приоритета воли правообладателей. Приказ Минздрава России № 803н прямо закрепляет, что решение о дальнейшей тактике в отношении неиспользованных половых клеток и эмбрионов, включая донорство, дальнейшую криоконсервацию и утилизацию, принимают лица, которым принадлежат половые клетки и эмбрионы, путем заключения гражданско-правовых договоров. Из этого следует, что медицинская организация не наделена свободным усмотрением в вопросе уничтожения биоматериала и вправе действовать лишь в рамках заранее выраженной и надлежащим образом оформленной воли пациентов. Следовательно, юридическими основаниями утилизации на практике выступают либо прямое волеизъявление пациента или пациентов, которым принадлежит биоматериал, либо наступление обстоятельств, заранее предусмотренных договором хранения. Именно поэтому

особое значение приобретает согласование в договоре судьбы биоматериала на случай истечения оплаченного срока хранения, прекращения контакта с пациентами, развода супругов, смерти одного из правообладателей либо отказа от дальнейшего использования эмбрионов. Чем более подробно эти вопросы урегулированы при заключении договора, тем ниже риск последующих споров о допустимости утилизации. Фактическое уничтожение биоматериала не может осуществляться произвольно, поскольку после принятия решения об утилизации вступают в действие санитарно-эпидемиологические требования к обращению с соответствующими отходами. СанПиН 2.1.3684-21 [21] устанавливает, что медицинские отходы класса Б подлежат обязательному обезвреживанию, а органы и ткани - кремации (сжиганию) или захоронению в специальных установках. Следовательно, утилизация биоматериала представляет собой не только гражданско-правовое, но и санитарно-правовое действие, требующее соблюдения специального порядка обращения с биологическими объектами.

Судебная практика подтверждает, что одностороннее требование одного из участников программы ВРТ само по себе не всегда образует достаточное основание для утилизации эмбрионов. В одном из споров суд указал [22], что закон не регулирует вопрос утилизации эмбрионов по требованию лишь одного из лиц, а решение о дальнейшей тактике в отношении неиспользованных половых клеток и эмбрионов принимают сами правообладатели путем заключения гражданско-правовых договоров. Такой подход демонстрирует стремление правоприменителя исключить произвольное уничтожение биоматериала при отсутствии ясно выраженного и юридически оформленного согласия всех лиц, чьи права затрагиваются.

Право умершего на репродуктивное самоопределение. Этическая проблематика постмортальной репродукции начинается с вопроса о пределах репродуктивной автономии умершего лица. В российском праве применение ВРТ в обычной ситуации строится на модели информированного добровольного согласия: мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, вправе использовать ВРТ при наличии обоюдного информированного добровольного согласия, а одинокая женщина - при наличии собственного согласия. Однако именно в ситуации постмортальной репродукции эта конструкция сталкивается с очевидным нормативным затруднением: после смерти лица актуальное волеизъявление уже невозможно, а специального федерального правила, прямо определяющего судьбу репродуктивного материала умершего для целей зачатия ребенка после его смерти, российский законодатель по состоянию на март 2026 года не сформулировал. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 11 февраля 2025 г. № 6-П прямо указал, что российским законодателем до сих пор принципиально не выражено легальное отношение к постмортальной репродукции, хотя прямого запрета на использование данной технологии также не установлено. В этих условиях в этическом отношении наибольшей убедительностью обладает модель, при которой решающим критерием признается заранее выраженная воля умершего. Такой подход соответствует общему биоэтическому принципу уважения автономии личности и одновременно позволяет избежать подмены воли умершего интерпретациями со стороны родственников, медицинской организации либо пережившего партнера. Показательно, что Американское общество репродуктивной медицины считает посмертное использование гамет или эмбрионов этически оправданным прежде всего тогда, когда имеется письменное разрешение умершего на такую процедуру; при этом сама возможность постмортальной репродукции требует учитывать не только интерес к продолжению рода после смерти, но и интерес лица не становиться родителем после смерти [7, p. 45-49]. Тем самым репродуктивное самоопределение умершего включает не только потенциальное «право на продолжение генетической линии», но и не менее значимое право на отказ от такого продолжения. Следовательно, с этической точки зрения презумпция согласия на постмортальное использование биоматериала представляется значительно менее обоснованной, чем презумпция необходимости явно выраженного согласия. Отсутствие прямого письменного распоряжения не устраняет моральной значимости возможной воли умершего, а, напротив, усиливает риск инструментализации его тела и генетического материала в интересах других лиц. Именно поэтому в научной и прикладной биоэтике наиболее устойчивым ориентиром остается требование к ясной фиксации прижизненного волеизъявления на случай смерти.

Продолжение реализации репродуктивных прав. Этическая аргументация в пользу пережившего супруга или партнера строится, как правило, не на идее автономного «права на ребенка», а на идее продолжения и реализации уже существовавшего общего репродуктивного права. Данный критерий представляется принципиально важным, поскольку он позволяет отличить ситуацию, в которой смерть прервала совместно начатый репродуктивный путь, от ситуации, когда после смерти одного из партнеров фактически создается новый родительский проект, не получивший при жизни умершего достаточного под-

тверждения. Европейское общество репродукции человека и эмбриологии в специальном этическом заключении подчеркивало, что моральная оценка постмортальной репродукции зависит от того, ограничена ли она рамками уже существовавшей реализации репродуктивных прав; при этом приемлемость процедуры для пережившего партнера связывается с письменным согласием умершего, обязательным консультированием и минимальным годичным периодом ожидания до начала лечения [8, p. 3050-3053]. Российская правоприменительная практика в последние годы также демонстрирует постепенное признание того, что интерес пережившего супруга не может быть проигнорирован только из-за отсутствия специальной нормы. Конституционный Суд РФ в Постановлении № 6-П от 11 февраля 2025 г. указал, что в условиях отсутствия прямого законодательного запрета граждане не лишены возможности воспользоваться постмортальной репродукцией; вместе с тем Суд отдельно подчеркнул, что решение о зачатии в подобной ситуации является самостоятельным волеизъявлением вдовы, которой заведомо известно, что дети не будут воспитываться умершим отцом и что после рождения она будет их единственным родителем. Этот вывод важен в этическом отношении, поскольку он одновременно признает субъективную значимость интереса пережившего супруга и фиксирует пределы такого интереса: продолжение репродуктивного проекта не может рассматриваться как безусловное право, освобожденное от обязанности учитывать будущую жизненную ситуацию ребенка. С этой точки зрения этически сильной является лишь та позиция пережившего супруга, которая опирается на три взаимосвязанных обстоятельства: наличие прижизненно выраженного согласия умершего, доказуемость ранее существовавшего общего родительского замысла и готовность пережившего супруга нести всю полноту последующей родительской ответственности. И напротив, чем слабее доказана воля умершего и чем очевиднее, что речь идет не о продолжении совместного проекта, а о его ретроспективном конструировании, тем более спорным становится этическое оправдание постмортальной репродукции. Этим объясняется и подход ASRM, согласно которому при отсутствии письменной воли умершего допустимость рассмотрения вопроса может обсуждаться только по инициативе пережившего супруга или партнера, тогда как сами программы ВРТ не несут этической обязанности участвовать в таких процедурах [7, p. 45-49].

Этично ли обсуждать эту тему? Сам по себе публичный и научный разговор о постмортальной репродукции является не только допустимым, но и необходимым. Этическая проблематизация подобных случаев не означает вторжения в частную жизнь ради сенсации; напротив, она выступает способом выработки таких правовых и моральных ориентиров, которые позволяют защищать достоинство всех вовлеченных субъектов - умершего, пережившего супруга и будущего ребенка. ЮНЕСКО прямо подчеркивает [23], что биоэтика выходит за рамки узкопрофессиональных медицинских кодексов, поскольку требует осмысления социальных изменений, порождаемых научно-технологическим развитием, а также делает особый акцент на значении информирования, просвещения, консультаций и публичной дискуссии. Следовательно, отказ от обсуждения данной темы был бы не проявлением уважения, а скорее уходом от нормативной ответственности в сфере, где технологии уже опережают законодательство. Вместе с тем этичность обсуждения зависит от формы такого обсуждения. Научный и правовой дискурс должен избегать редукции будущего ребенка к объекту реализации чужой воли, умершего - к источнику генетического материала, а пережившего супруга - к носителю безусловного «права на родительство любой ценой». Корректная постановка вопроса предполагает язык уважения человеческого достоинства, внимание к пределам согласия, осторожность в оценке психологических последствий и отказ от категоричных выводов там, где эмпирическая база пока ограничена. Поэтому обсуждать эту тему этично тогда, когда целью является не морализаторство и не стигматизация, а поиск справедливого баланса между автономией, ответственностью и защитой интересов будущего ребенка.

Предложения по совершенствованию правового регулирования в России. Необходимость специального нормативного регулирования постмортальной репродукции в России в настоящее время уже не является исключительно доктринальным тезисом, а прямо подтверждена конституционным правосудием. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 11 февраля 2025 г. № 6-П [24] указал, что российским законодателем до сих пор принципиально не выражено легальное отношение к постмортальной репродукции, а действующее регулирование не содержит прямых предписаний на этот случай; одновременно Суд возложил на федерального законодателя обязанность внести необходимые изменения в действующее правовое регулирование. Следовательно, вопрос о совершенствовании законодательства должен ставиться уже не как гипотетический, а как вытекающий из правовой позиции Конституционного Суда и из фактического существования соответствующих медицинских практик.

Закрепление специальной формы согласия на посмертное использование. Первым и базовым направлением реформы должно стать закрепление специальной формы согласия на посмертное использование половых клеток и эмбрионов. Действующая редакция статьи 55 Федерального закона № 323-ФЗ [25] устанавливает лишь общее правило о применении вспомогательных репродуктивных технологий при наличии информированного добровольного согласия, а статья 20 того же закона определяет общие требования к его форме. Приложение № 13 к приказу Минздрава России № 803н [26] предусматривает выбор в отношении оставшихся после программы половых клеток и эмбрионов (криоконсервация, утилизация или донорство), но не регулирует отдельным образом их использование после смерти одного из правообладателей. Это и образует ключевой нормативный пробел. С учетом этого представляется целесообразным законодательно ввести самостоятельное специальное согласие на постмортальное использование биоматериала, которое не должно растворяться в общем информированном согласии на медицинское вмешательство. Такое согласие целесообразно оформлять как отдельный документ, подписываемый одновременно с согласием на программу ВРТ либо на этапе криоконсервации. В нем должны быть прямо определены: допускает ли лицо использование его биоматериала после смерти; какой именно биоматериал может быть использован; кто вправе инициировать такое использование; в течение какого срока после смерти допускается обращение к процедуре; допускается ли перенос уже созданного при жизни эмбриона и создание эмбриона после смерти из сохраненных половых клеток; подлежит ли такое согласие отзыву при жизни; а также каковы последствия отсутствия такого документа. Подобная модель соответствует конституционной логике уважения автономии личности и одновременно снимает риск последующего спора о том, было ли посмертное родительство действительно волей умершего.

Корректировка Приказа Минздрава № 803н. Наряду с изменением федерального закона требуется и корректировка приказа Минздрава России № 803н как основного подзаконного акта, регулирующего применение ВРТ. В действующей редакции приказа закреплено, что решение о дальнейшей тактике в отношении неиспользованных половых клеток и эмбрионов - донорство, криоконсервация или утилизация - принимают лица, которым они принадлежат, путем заключения гражданско-правовых договоров. Одновременно приложение № 13 фиксирует лишь общее согласие на проведение ВРТ и выбор стандартной судьбы оставшегося материала. Следовательно, приказ уже содержит зачатки договорного и диспозитивного регулирования, однако не формирует специального алгоритма на случай смерти пациента.

В этой связи представляется необходимым дополнить приказ № 803н специальным разделом о распоряжении на случай смерти пациента и постмортальном использовании биоматериала и отдельным приложением с формой специального согласия. В приказе целесообразно закрепить порядок проверки факта смерти, перечень документов, подтверждающих существование или отсутствие прижизненного согласия, сроки, в течение которых медицинская организация обязана приостановить любые действия с биоматериалом до установления правового режима, обязательность медико-психологического консультирования пережившего супруга или иного управомоченного лица, а также порядок фиксации итогового решения в медицинской документации. Кроме того, именно на уровне приказа следует прямо запретить использование биоматериала после смерти лица при отсутствии надлежаще оформленного специального волеизъявления.

Выводы. Действующее регулирование ВРТ по-прежнему опирается на общее информированное добровольное согласие, оформляемое по приложению № 13 к приказу № 803н, а также на договорную модель определения судьбы неиспользованных половых клеток и эмбрионов. Однако специальной формы согласия именно на посмертное использование биоматериала, равно как и специального алгоритма действий медицинской организации после смерти пациента, действующие нормы не предусматривают. Поэтому на практике воля умершего, интерес пережившего супруга, правовой статус будущего ребенка, режим хранения, оплата и утилизация биоматериала оказываются выведенными в пространство договорных оговорок и последующего судебного усмотрения. Из этого следует, что дальнейшее развитие российского законодательства должно идти по пути не фрагментарных, а системных изменений. Наиболее обоснованным представляется закрепление специального прижизненного согласия на посмертное использование половых клеток и эмбрионов, внесение специальных положений в регулирование ВРТ на уровне Федерального закона № 323-ФЗ, уточнение статьи 51 СК РФ в части установления происхождения детей, зачатых после смерти родителя, а также детальная регламентация хранения, оплаты, передачи и утилизации биоматериала в приказе Минздрава № 803н. При этом для российского законодателя принципиально важно исходить из приоритета ясно выраженной воли умершего, из недопустимости автоматического распространения обычных семейно-правовых презумпций на постмор-

тальные случаи и из необходимости обеспечить ребенку, рожденному в результате постмортальной репродукции, полноценную правовую защиту с момента признания его происхождения. Такой подход соответствует как логике статьи 51 СК РФ в ее системной связи с законодательством об охране здоровья, так и конституционно-правовым ориентирам, сформулированным в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации № 6-П.

Таким образом, пробелы статьи 51 СК РФ следует рассматривать не как частный технический дефект, а как проявление более широкой структурной неподготовленности российского права к последствиям постмортальной репродукции. Пока специальное комплексное регулирование не создано, защита интересов пережившего супруга и ребенка будет оставаться зависимой от судебного толкования, а не от заранее определенных правил. Следовательно, перспективы развития законодательства в данной сфере связаны с переходом от реактивного, казусного подхода к целостной модели регулирования, которая одновременно учитывала бы репродуктивную автономию личности, стабильность семейно-правового статуса ребенка и требования правовой определенности.

Список литературы:

[1] Ульянова М. В. Осуществление репродуктивных прав граждан // Актуальные вопросы демографической политики в Российской Федерации. Ч. 1. М.: Издание Государственной Думы, 2024. С. 79-81.

[2] Малышева Ж. С. Проблема определения правового статуса эмбриона // Скиф. 2023. № 5 (81). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-pravovogo-statusa-embriona.

[3] Ethics and Bioethics in Europe // European Journal of Clinical Chemistry and Clinical Biochemistry. 2004. Vol. 15, № 2. P. 39. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6037867/.

[4] Collins R. Posthumous Reproduction and the Presumption Against Consent in Cases of Death Caused by Sudden Trauma // Journal of Medicine and Philosophy. 2005. P. 431-442. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/03605310591008612#d1e171.

[5] Corbin B. The slippery slope of presumed consent in post-humous reproductive health cases. URL: https://www.femtechworld.co.uk/insight/the-rights-and-wishes-of-the-deceased-must-have-meaning-the-slippery-slope-of-presumed-consent-in-post-humous-reproductive-health-cases/.

[6] Алферова Е. В. Рецензия на книгу: Ершов В. В. Регулирование правоотношений: монография. М.: РГУП, 2020 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право. 2021. № 2. С. 132-147.

[7] Ethics Committee of the American Society for Reproductive Medicine. Posthumous retrieval and use of gametes or embryos: an Ethics Committee opinion // Fertility and Sterility. 2018. Vol. 110, № 1. P. 45-49. DOI: 10.1016/j.fertnstert.2018.04.002.

[8] Pennings G., de Wert G., Shenfield F., Cohen J., Devroey P., Tarlatzis B. ESHRE Task Force on Ethics and Law 11: Posthumous assisted reproduction // Human Reproduction. 2006. Vol. 21, № 12. P. 3050-3053. DOI: 10.1093/humrep/del287.

[9] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

[10] Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (зарегистрирован 19.10.2020 № 60457) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/.

[11] Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой» // СЗ РФ. 2025. № 7. Ст. 694.

[12] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

[13] Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (зарегистрирован 19.10.2020 № 60457) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/.

[14] Приложение № 13 к приказу Минздрава России от 31.07.2020 № 803н. Форма информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство с применением вспомогательных репродуктивных технологий и искусственной инсеминации // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

[15] Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой» // СЗ РФ. 2025. № 7. Ст. 694.

[16] MGRA. e-legal Newsletter - November 2021 // MGRA - Sociedade de Advogados. 2021. URL: https://mgra.pt/en/e-legal-november-2021/.

[17] Portugal debate aprobar la inseminación post-mortem que permite a una mujer utilizar el semen de su pareja fallecida // laSexta.com. 2021. 26 marzo. URL: https://www.lasexta.com/noticias/internacional/portugal-debate-aprobar-inseminacion-postmortem-que-permite-mujer-ser-inseminada-pareja-fallecida_20210326605dd4cfdbb78d0001d1ff60.html.

[18] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

[19] Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (зарегистрирован 19.10.2020 № 60457) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/.

[20] Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 № 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1006» // СЗ РФ. 2023. № 20. Ст. 3565.

[21] Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 № 3 «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 2.1.3684-21...» (зарегистрировано в Минюсте России 29.01.2021 № 62297) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

[22] Каллиников К. Суд решил вопрос об утилизации криоконсервированных эмбрионов бывших супругов // РАПСИ. 2023. 9 янв. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20230109/308606344.html (дата обращения: 15.03.2026).

[23] Universal Declaration on Bioethics and Human Rights // UNESCO. URL: https://www.unesco.org/en/legal-affairs/universal-declaration-bioethics-and-human-rights.

[24] Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой» // СЗ РФ. 2025. № 7. Ст. 694.

[25] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

[26] Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (зарегистрирован 19.10.2020 № 60457) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/.

References:

[1] Ulyanova M.V. Implementation of reproductive rights of citizens//Topical issues of demographic policy in the Russian Federation. PART 1. M.: Publication of the State Duma, 2024. S. 79-81.

[2] Malysheva J. S. The problem of determining the legal status of an embryo//Skif. 2023. № 5 (81). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-pravovogo-statusa-embriona.

[3] Ethics and Bioethics in Europe // European Journal of Clinical Chemistry and Clinical Biochemistry. 2004. Vol. 15, № 2. P. 39. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6037867/.

[4] Collins R. Posthumous Reproduction and the Presumption Against Consent in Cases of Death Caused by Sudden Trauma // Journal of Medicine and Philosophy. 2005. P. 431-442. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/03605310591008612#d1e171.

[5] Corbin B. The slippery slope of presumed consent in post-humous reproductive health cases. URL: https://www.femtechworld.co.uk/insight/the-rights-and-wishes-of-the-deceased-must-have-meaning-the-slippery-slope-of-presumed-consent-in-post-humous-reproductive-health-cases/.

[6] Alferova E.V. Book review: Ershov V.V. Regulation of legal relations: monograph. M.: RSPU, 2020//Social and Humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 4. State and law. 2021. № 2. S. 132-147.

[7] Ethics Committee of the American Society for Reproductive Medicine. Posthumous retrieval and use of gametes or embryos: an Ethics Committee opinion // Fertility and Sterility. 2018. Vol. 110, № 1. P. 45-49. DOI: 10.1016/j.fertnstert.2018.04.002.

[8] Pennings G., de Wert G., Shenfield F., Cohen J., Devroey P., Tarlatzis B. ESHRE Task Force on Ethics and Law 11: Posthumous assisted reproduction // Human Reproduction. 2006. Vol. 21, № 12. P. 3050-3053. DOI: 10.1093/humrep/del287.

[9] Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ//NW RF. 1996. № 1. Art. 16.

[10] Order of the Ministry of Health of Russia dated 31.07.2020 No. 803n “On the procedure for using assisted reproductive technologies, contraindications and restrictions on their use” (registered 19.10.2020 No. 60457)//Official Internet portal of legal information. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/.

[11] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.02.2025 No. 6-P “In the case of checking the constitutionality of parts 1 and

3 of Article 10 of the Federal Law “On Insurance Pensions” in connection with the complaint of citizen M. Yu. Shchanikova “//SZ RF. 2025. № 7. Art. 694.

[12] Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ “On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation “//NW RF. 2011. № 48. Art. 6724.

[13] Order of the Ministry of Health of Russia dated 31.07.2020 No. 803n “On the procedure for using assisted reproductive technologies, contraindications and restrictions on their use” (registered 19.10.2020 No. 60457)//Official Internet portal of legal information. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/.

[14] Appendix No. 13 to the Order of the Ministry of Health of Russia dated 31.07.2020 No. 803n. Informed voluntary consent form for medical intervention using assisted reproductive technologies and artificial insemination//ConsultantPlus: legal system.

[15] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.02.2025 No. 6-P “In the case of checking the constitutionality of parts 1 and 3 of Article 10 of the Federal Law “On Insurance Pensions” in connection with the complaint of citizen M. Yu. Shchanikova “//SZ RF. 2025. № 7. Art. 694.

[16] MGRA. e-legal Newsletter - November 2021 // MGRA - Sociedade de Advogados. 2021. URL: https://mgra.pt/en/e-legal-november-2021/.

[17] Portugal debate aprobar la inseminación post-mortem que permite a una mujer utilizar el semen de su pareja fallecida // laSexta.com. 2021. 26 marzo. URL: https://www.lasexta.com/noticias/internacional/portugal-debate-aprobar-insemina-cion-postmortem-que-permite-mujer-ser-insemina-da-pareja-fallecida_20210326605dd4cfdbb-78d0001d1ff60.html.

[18] Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ “On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation “//NW RF. 2011. № 48. Art. 6724.

[19] Order of the Ministry of Health of Russia dated 31.07.2020 No. 803n “On the procedure for using assisted reproductive technologies, contraindications and restrictions on their use” (registered 19.10.2020 No. 60457)//Official Internet portal of legal information. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/.

[20] Decree of the Government of the Russian Federation of 11.05.2023 No. 736 “On Approval of the Rules for the Provision of Paid Medical Services by Medical Organizations, Amending Certain Acts of the Government of the Russian Federation and Invalidating Decree of the Government of the Russian Federation of October 4, 2012 No. 1006 “//NZ RF. 2023. № 20. Art. 3565.

[21] Decree of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of 28.01.2021 No. 3 “On approval of sanitary rules and norms of SanPiN 2.1.3684-21...” (registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation 29.01.2021 No. 62297)//ConsultantPlus: legal system.

[22] Kallinikov K. The court decided on the disposal of cryopreserved embryos of former spouses// RAPSI. 2023. January 9 URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20230109/308606344.html (accessed: 15.03.2026).

[23] Universal Declaration on Bioethics and Human Rights // UNESCO. URL: https://www.unesco.org/en/legal-affairs/universal-declaration-bioethics-and-human-rights.

[24] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.02.2025 No. 6-P “In the case of checking the constitutionality of parts 1 and 3 of Article 10 of the Federal Law “On Insurance Pensions” in connection with the complaint of citizen M. Yu. Shchanikova “//SZ RF. 2025. № 7. Art. 694.

[25] Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ “On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation “//NW RF. 2011. № 48. Art. 6724.

[26] Order of the Ministry of Health of Russia dated 31.07.2020 No. 803n “On the Procedure for Using Assisted Reproductive Technologies, Contraindications and Restrictions on Their Use” (registered 19.10.2020 No. 60457)//Official Internet Portal of Legal Information. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/.